

Научно-исследовательский центр «Иннова»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Сборник научных трудов по материалам
VII Международной научно-практической конференции,
07 сентября 2022 года, г.-к. Анапа

Анапа
2022

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

С56

Ответственный редактор:

Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С.В., к.э.н., профессор (Краснодар), **Дегтярев Г.В.**, д.т.н., профессор (Краснодар), **Хилько Н.А.**, д.э.н., доцент (Новороссийск), **Ожерельева Н.Р.**, к.э.н., доцент (Анапа), **Сайда С.К.**, к.т.н., доцент (Краснодар), **Климов С.В.** к.п.н., доцент (Пермь), **Михайлов В.И.** к.ю.н., доцент (Москва).

С56 Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 07 сентября 2022 г.). – Анапа: Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2022. – 43 с.

ISBN 978-5-95283-948-9

В настоящем издании представлены материалы VII Международной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития науки и образования: проблемы и решения», состоявшейся 07 сентября 2022 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных, естественных и других науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5**ISBN 978-5-95283-948-9**© Коллектив авторов, 2022.
© Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УРОВЕНЬ ХЕМОКИНА CXCL9 У ПАЦИЕНТОВ С АТОПИЧЕСКИМ ДЕРМАТИТОМ

Кибалина Ирина Владимировна

Фефелова Елена Викторовна

Цыбиков Намжил Нанзатович 4

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Левенец Алена Федоровна 9

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Трапезникова Полина Владиславовна 18

ПОНЯТИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Чучвал Ангелина Андреевна..... 24

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РАЗВИТИЕ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Мархиева Танзила Беслановна..... 31

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ ЗПР

Спиридонова Дарья Петровна..... 36

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 616.092

УРОВЕНЬ ХЕМОКИНА CXCL9 У ПАЦИЕНТОВ С АТОПИЧЕСКИМ ДЕРМАТИТОМ

Кибалина Ирина Владимировна

доцент кафедры дерматовенерологии, к.м.н.

Фефелова Елена Викторовна

профессор кафедры патологической физиологии, д.м.н., доцент

Цыбиков Намжил Нанзатович

заведующий кафедрой патологической физиологии, д.м.н., профессор

ФГБОУ ВО «Читинская государственная медицинская академия»

Минздрава России, город Чита

***Аннотация.** В статье представлены результаты исследования концентрации хемокина CXCL9 в сыворотке крови пациентов с atopическим дерматитом, в частности указана его роль в формировании патологического кожного очага при atopическом дерматите.*

The article presents the results of a study of the concentration of chemokine CXCL9 in the blood serum of patients with atopic dermatitis, in particular, its role in the formation of a pathological skin focus in atopic dermatitis is indicated.

Ключевые слова: atopический дерматит, патогенез, CXCL9, хемокин

Keywords: atopic dermatitis, pathogenesis, CXCL9, chemokine

Согласно актуальным научно-исследовательским данным atopический дерматит является хроническим аллергическим дерматозом мультифакторной природы и клинически проявляется характерной возрастной симптоматикой [1, с. 1–2]. Одним из хемокинов, влияющих на формирование патологического кожного процесса при atopическом дерматите является CXCL9, осуществляющий рекрутизацию иммунокомпетентных клеток в зону поражения [2, с. 3–4]. Т-

хелперы первого типа под влиянием триггерных факторов продуцируют хемокин CXCL9, что может усугублять динамику патологического процесса в коже и способствовать активации апоптоза кератиноцитов, однако роль хемокина CXCL9 в патогенезе атопического дерматита на сегодняшний день абсолютно не изучена [3, с. 3].

Нами исследован уровень хемокина CXCL9 в сыворотке крови с помощью мультиплексного анализа панели LEGENDplex Human Proinflammatory Chemokine Panel (BioLegend, США) на проточном цитофлуориметре у подростков и взрослых, страдающих атопическим дерматитом, и у лиц контрольной группы. Статистическую обработку полученных данных проводили с использованием пакета Statistica 25.0. Показатель значимости и достоверности равен менее 0,05.

Критериями включения пациентов в исследование - наличие диагноза АД, стаж заболевания более 2 лет, наличие подписанного добровольного информированного согласия, отсутствие сопутствующих заболеваний, в том числе хронических, в стадию ремиссии. Критериями исключения являлись – сопутствующие хронические заболевания в анамнезе, проведение лекарственной терапии (НПВС, H1-блокаторы, системные и топические глюкокортикостероиды, циклоспорины, ингибиторы кальциневрина) и/или общей узкополосной средневолновой ультрафиолетовой терапии в течение 2 месяцев до включения пациента в исследование, беременность и лактация, клинические признаки вторичного инфицирования кожи, длительность ремиссии АД менее 2 месяцев после купирования обострения заболевания в рамках исследования [4, с. 1-2].

Цель исследования заключалась в изучении уровня хемокина CXCL9 в динамике атопического дерматита. В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 13 до 18 лет и взрослые в возрасте от 18 до 44 лет с ограниченной и распространенной формами атопического дерматита. Кровь для исследования забиралась в период обострения и ремиссии дерматоза. Забор крови у исследуемых осуществлялся из локтевой вены в вакуумные одноразовые пробирки. После центрифугирования при 3000 об./мин в течение 15 мин полученная сыворотка

замораживалась при -70°C до проведения лабораторного исследования.

Средний уровень хемокина CXCL9 в сыворотке крови здоровых подростков составляет 6,37 пг/мл, у взрослых – 7,04 пг/мл. У пациентов с ограниченным атопическим дерматитом при обострении клинических симптомов заболевания концентрация хемокина составляет 5,97 пг/мл, в ремиссию атопического дерматита концентрация хемокина на 10 % меньше результата контрольной группы.

У взрослых пациентов, страдающих атопическим дерматитом, при ограниченной форме заболевания концентрация хемокина CXCL9 в сыворотке крови в 3,2 раза больше показателя здоровых добровольцев ($p=0,0001$), однако в ремиссию дерматоза наблюдается снижение.

Не исключено, что снижение концентрации хемокина CXCL9 в сыворотке крови характеризует значимость показателя в патологическом кожном очаге. Так как хемокин CXCL9 из патологического кожного очага по градиенту концентрации должен переместиться в системный кровоток, при этом часть молекул взаимодействует с соответствующими рецепторами, либо разрушается пептидазами, гидролизными ферментами методом неспецифического гидролиза.

В результате исследования выявлено, что при атопическом дерматите уровень хемокина CXCL9 преобладает при обострении клинических симптомов атопического дерматита. Не исключено, что клетки, продуцирующие хемокин CXCL9, могут доминировать в воспалительном участке кожи [5, с. 3–4]. Возможно, проходя через гематодермальный барьер, хемокин разрушается ферментами.

В исследованиях профессора Н. Н. Цыбикова показано, что ко многим биологически активным веществам в разных биологических жидкостях образуются аутоантитела, и не исключено, что в очаге поражения хемокин связывается с аутоантителами, в том числе с аутоантителами-абзимами, что препятствует проникновению данного комплекса через гематодермальный барьер ввиду увеличения молекулярной массы [6, с. 3; 7, с. 1; 8, с. 2].

В механизме развития атопического дерматита хемокин CXCL9 играет важную роль в развитии клинических симптомов дерматоза не только в период

обострения, но и при разрешении клинических симптомов, и возможно, что разработка таргетной терапии, влияющей непосредственно на синтез хемокина CXCL9 может способствовать регрессу шелушения и сухости кожи, пролонгируя стадию полной ремиссии атопического дерматита.

Список литературы

1. Кибалина И. В. Изменение сывороточной концентрации хемокина RANTES/CCL5 в зависимости от стадии течения атопического дерматита / И. В. Кибалина, Е. В. Фефелова, Н. Н. Цыбиков / Современные проблемы науки и образования: электронное научное издание. – 2021. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31182> (дата обращения: 13.11.2021).

2. Кибалина И. В. Содержание уровня некоторых хемокинов в кожном экссудате при атопическом дерматите / И. В. Кибалина, Е. В. Фефелова, Н. Н. Цыбиков – DOI 10.52485/19986173_2021_4_77 / Забайкальский медицинский вестник: электронное научное издание. – 2021. – № 4. – С. 77–87. – URL: <http://zabmedvestnik.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).

3. Кибалина И. В. Динамика уровня хемокина IP-10/CXCL10 в сыворотке крови и кожном экссудате у пациентов с атопическим дерматитом / И. В. Кибалина, Е. В. Фефелова, Н. Н. Цыбиков. – DOI 10.24412/2220–7880-2022-1-51-55 / Вятский медицинский вестник: электронное научное издание. – 2022. – № 1(73). С. 51–55 – URL: https://vyatmedvestnik.ru/index.php/vmv/issue/view/43/no1_73 (дата обращения: 18.03.2022).

4. Кибалина И. В. Динамика уровня хемокина ENA-78/CXCL5 в сыворотке крови и кожном экссудате у пациентов с атопическим дерматитом» / И. В. Кибалина, Н. Н. Цыбиков, Е. В. Фефелова. – DOI 10.15789/1563–0625-DOT-2461 / Медицинская иммунология. – 2022. – № 2(24). – С. 405–410.

5. Кибалина И. В. Патолофизиологическая роль хемокина MIG/CXCL9 в механизме развития атопического дерматита / И. В. Кибалина, Н. Н. Цыбиков, Е. В. Фефелова, Л. Ф. Шолохов. – DOI 10.29413/ABS.2022-7.2.11 / Acta biomedica scientifica – 2022. – № 2. – С. 99–104.

6. Expression of TLR2 and TLR4 on peripheral blood monocytes during exacerbation of atopic dermatitis / N.N. Tsybikov, I.V. Petrisheva, E.V. Fefelova [et al.]. – DOI 10.2500/aap.2015.36.3901 / Allergy Asthma Proc. – 2015. – Vol. 36 (6). – 140–145.

7. Plasma endothelin–1 level during exacerbation of atopic dermatitis / N.N. Tsybikov, I.V. Petrisheva, B.I. Kuznik, E. Magen. – DOI 10.2500/aap.2015.36.3846 / Allergy Asthma Proceedings. – 2015. – Vol. 36 (4). – P. 320–324.

8. Plasma α -defensins are elevated during exacerbation of atopic dermatitis / N.N. Tsybikov, I.V. Petrisheva, E.V. Fefelova [et al.]. – DOI 10.1111/ced. 12767 / Clin Exp Dermatol. – 2016. – Vol. 41 (3). – P. 253–259.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Левенец Алена Федоровна

магистрант

Научный руководитель: Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент

Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», город Ростов-на-Дону

***Аннотация.** Статья посвящена анализу правового статуса переводчика в уголовном судопроизводстве. В статье рассматриваются вопросы правовой регламентации прав и обязанностей, возлагаемых на переводчика. Раскрываются вопросы, связанные с некоторыми проблемами юридической ответственности переводчика, возникающие при нарушении им процессуальных требований.*

The article is devoted to the analysis of the legal status of an interpreter in criminal proceedings. The article deals with the issues of legal regulation of the rights and obligations imposed on the interpreter. The issues related to some problems of the interpreter's legal responsibility arising as a result of his violation of procedural requirements are disclosed.

***Ключевые слова:** переводчик, уголовное судопроизводство, правовой статус, язык, права и обязанности, ответственность*

***Keywords:** interpreter, criminal proceedings, legal status, language, rights and obligations, responsibility*

Современное уголовное судопроизводство направлено на обеспечение решения правовых вопросов, связанных с реализацией уголовной

ответственности. Нормы, действующего уголовно-процессуального законодательства четко регламентируют участие в совершении процессуальных действий различных его участников, одним из которых является переводчик. Его роль в уголовном процессе все более возрастает в связи с тем, что в современном мире стремительными темпами разрушаются барьеры, препятствующие миграции населения. Нашу страну ежегодно посещает огромное количество людей разных национальностей. К великому сожалению, некоторые из них вольно или невольно становятся различными участниками уголовного процесса, которым просто жизненно необходима помощь переводчика.

Несмотря на то, что в наше время без участия переводчика российский уголовный процесс трудно представить, этому участнику уголовного судопроизводства как во многих комментариях к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (в дальнейшем УПК РФ), так и в учебниках и учебной литературе уделено незначительное внимание. Причем есть такие работы, к примеру учебник «Уголовный процесс» под ред. К. Ф. Гуценко [1], претендующие на раскрытие содержания всего курса уголовного процесса, где институт правового статуса переводчика либо вообще не раскрывается [2] или почти не рассматривается [3]. Названные обстоятельства стали той причиной, которая побудила обратиться к теме анализа ст. 59 УПК РФ, где законодатель постарался закрепить понятие переводчика, его права, обязанности и ответственность.

Понятие переводчику дано в ч. 1 ст. 59 УПК РФ. Согласно этому определению, «переводчик — это лицо, привлекаемое в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

Часть ученых дают неоправданно расширенное определение понятию «переводчик». Так, В. Н. Махов пишет, что переводчик — это «лицо, владеющее языками, знание которых необходимо для перевода» [4]. К сожалению, автор забывает указать, что такое лицо должно владеть языком «свободно» и что переводчиком оно станет лишь после вынесения соответствующего постановления (определения) компетентного на то должностного лица (органа). Об этом он

вспоминает в другой своей публикации [5].

Таким образом, лицо, обладающее знанием нужных, в конкретном случае языков получает статус переводчика, как участника уголовного процесса по уголовному делу с момента вынесения дознавателем, следователем, прокурором или судьей соответствующего постановления, а судом - определения. Вызов переводчика и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 169 и 263 УПК РФ.

В соответствии с положениями УПК РФ переводчик не только принимает участие в производстве следственных, судебных и иных процессуальных действиях, но и в смежных правоотношениях, которые регулируются самостоятельными законодательными актами, созданными специально для этого. Например, участие переводчика необходимо не только во взаимоотношениях между должностными лицами, осуществляющими разбирательство по делу, и другими участниками, не владеющими языком судопроизводства, но и в общении между ними и их защитником даже тогда, когда подозреваемый (обвиняемый) находится под стражей.

Уголовно-процессуальное законодательство (ст. 59 УПК РФ) закрепляет переводчика как самостоятельного участника уголовного процесса. При этом он относит переводчика, вместе с экспертом, специалистом, свидетелем и понятым, к числу «иных участников уголовного судопроизводства» (гл. 8 УПК РФ), участие которых не является обязательным в разбирательстве по конкретному уголовному делу и зависит от различных обстоятельств, которые непосредственно не связаны с предметом уголовного преследования и осуществления правосудия. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве носит факультативный характер и предопределен особым влиянием на порядок осуществления и содержания уголовно-процессуальных действий, связанных с субъективным фактором – не знанием одного или нескольких участников, обязательных для производства по делу языка, на котором оно осуществляется в рамках конкретного дела. Важным правовым механизмом, призванным обеспечивать реализацию процессуальных прав этой категории лиц, как считает О. Ю. Кузнецов [6],

является соблюдение в практической деятельности правоохранительных органов принципа языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ).

Как давно известно, в теории права, под правосубъектностью, традиционно понималась признаваемая государством способность лица быть субъектом права, т. е. иметь права и обязанности и своим поведением реализовывать их. Фактически правосубъектность определяет юридический статус участника правоотношений в системе норм и правил социальной коммуникации. В системе уголовно-процессуальных отношений правосубъектность переводчика закреплена в ч. 1 ст. 59 УПК РФ. Не вызывает сомнения, что в контексте уголовно-процессуального законодательства под термином «лицо» определяется исключительно физическое, а не как не юридическое лицо в самой широкой юридической трактовке этого понятия, т. е. как индивидуальный субъект права. В теории права, как известно под индивидуальным субъектом понимается лицо, за которым признается способность вступать в правоотношения или в качестве гражданина, или в качестве носителя определенных социальных функций, связанных с его функцией в коллективном общественном образовании [7], т. е. социуме. Таким образом под переводчиком следует понимать субъект уголовного судопроизводства, который в своей практической деятельности способен реализовать процессуально детерминированные социальные функции, которые установлены непосредственно законодательством.

Раскрывая буквальное содержание нормы ч. 1 ст. 59 УПК РФ, можно определить, что переводчик - субъект уголовного судопроизводства, который в силу своих индивидуальных субъективных качеств, в т.ч. языковых познаний, имеет возможность осуществлять перевод, но на практике не реализующий эту способность, по крайней мере, не связанной с решением задач следственного и судебного производства по конкретному уголовному делу.

Крайне важной особенностью правосубъектности переводчика в уголовном судопроизводстве является его субъективная беспристрастность, т. е. абсолютная личная незаинтересованность в результатах разбирательства по уголовному делу. Это суждение вытекает из того, что переводчик своим поведением не

имеет возможности влиять на ход, а также содержание следственного и судебного производства не только в качественном (т. е. точностью и ситуационной адекватностью) осуществлении перевода, но и в своем эмоциональном отношении к содержанию дела (например, когда состав преступления затрагивает личные чувства переводчика). В указанном случае проявленная субъективная заинтересованность может быть интерпретирована компетентными органами как объективный фактор, оказывающий влияние не только на характер и содержание процессуальных действий, которые осуществляются с участием переводчика, но и на соблюдение законности при осуществлении уголовного судопроизводства в целом. В связи с этим, любое влияние субъективного фактора проявления личной заинтересованности переводчика должно быть исключено не только в осуществлении практической деятельности правоохранительных органов, проводящих дознание или предварительное следствие, но и в уголовно-процессуальном законодательстве, в противном случае возможность отвода переводчика как личности из процесса уголовного судопроизводства по делу, т.е. прекращение его правосубъектности в производстве по делу в данном процессуальном качестве, не будет нормативно увязана с его юридическим статусом. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство при определении правосубъектности переводчика не закрепляет положений, прямо устанавливающих обязательность его субъективной незаинтересованности в результатах производства по делу (он делает это опосредованно через норму п. 2 ст. 69 УПК РФ).

Правовой статус переводчика в осуществлении следственного и судебного уголовного производства весьма подробно определен совокупностью обязывающих, уполномочивающих и запрещающих норм уголовно-процессуального законодательства.

Новеллой отечественного уголовно-процессуального законодательства (ч. 3 ст. 59 УПК РФ) было закрепление полномочий переводчика, который в рамках осуществления любого процессуального действия наделялся правом:

– задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода;

– знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он принимает участие, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности перевода, подлежащие занесению в протокол;

– приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Перечисленный перечень закрепленных процессуальных прав переводчика, по нашему мнению, не является исчерпывающим. Дополнительно с ними, могут быть учтены следующие права:

– знать свои права и обязанности (ч. 1 ст. 11 УПК РФ);

– самоустраниться от участия в деле (заявить самоотвод) при наличии к тому субъективных оснований (ч. 1 ст. 62 УПК РФ);

– требовать дополнения протоколов следственных действий, произведенных с его участием, и внесения в них поправок (п. 6 ст. 166 УПК РФ);

– удостоверить правильность записи сделанных им переводов показаний и всего содержания протокола следственного действия, в проведении которого он принимал участие как переводчик (п. 7 ст. 166 УПК РФ);

– получать возмещение понесенных расходов по явке для участия в совершении следственного действия (п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ);

– получать вознаграждение за сделанный перевод из средств федерального бюджета лично, но за исключением случаев исполнения обязанностей переводчика в порядке служебного задания (п. 4 ч. 2 ст. 131, п. 3 ст. 132 УПК РФ).

Помимо указанных выше уполномочивающих положений УПК РФ закрепляет и запрещающие нормы, которые определяют дееспособность переводчика, вернее, ее составную часть, как необходимую обязанность сознательно воздерживаться от совершения юридически определенных действий. Согласно п. 4 ст. 59 УПК РФ переводчик не вправе:

– осуществлять заведомо неправильный перевод;

– разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном

ст. 161 УПК РФ;

– уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд.

Уголовно-процессуальное законодательство определяет также необходимость наличия обязывающих норм, которые регламентируют дееспособность переводчика, хотя они и не закреплены текстуально. Эти обязанности проистекают из смысла, а не из буквы законодательства и могут носить формально умозрительный характер, но это не исключает наличия таких обязательств. В качестве примера можно определить, обязывающие нормы, которые характеризуют дееспособность переводчика в рамках осуществления производства по конкретному делу, которые могут содержаться в договоре между ним и правоохранительным органом, производящим расследование по делу (в этом случае они будут являться логическим продолжением запрещающих норм). С нашей точки зрения, к их числу относятся обязанность переводчика сознательно совершить как минимум два позитивных действия:

- по вызову явиться в орган дознания или следствия, а также в суд;
- выполнить точно и полно порученный ему перевод.

Закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства специального перечня процессуальных действий, на совершение которых переводчик получает право в рамках своего процессуального статуса, необходимо, на наш взгляд, особо выделить границы его дееспособности и компетенции. Под компетенцией понимается регламентированная законодательством способность переводчика принимать участие в конкретных уголовно-процессуальных действиях в процессе всего разбирательства по делу в то время, как дееспособность предусматривает, в рамках темы нашего исследования, его универсальные действия в границах единичного следственного действия предварительного расследования. Исходя из сказанного, дееспособность сама по себе определяет процессуальный статус переводчика (в совокупности с другими элементами его правосубъектности), в то время как компетенция - его функциональные возможности и полномочия в рамках производства по конкретному делу, но не в системе уголовно-

процессуальных правоотношений в целом.

Положения ст. 59 УПК РФ не указывают прямо на наличие у переводчика процессуальных обязанностей (при закреплении обязывающих и запрещающих норм законодатель использует формулировку «не вправе»), а поэтому они возникают у него в результате приобретения им прав, как вариант, процессуального статуса. Все это, скорее всего, объясняется тем, что УПК РФ включает переводчика в группу «иных участников уголовного судопроизводства», которые присутствуют в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу в связи со спецификой индивидуальных черт других его субъектов. Сам по себе переводчик не принимает непосредственное участие в решении специфических задач, которые стоят перед следственными и судебными органами в уголовном судопроизводстве. Его задача выражается лишь содействии обеспечению законности и соблюдению конституционных прав отдельных участников, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность. В связи с указанными обстоятельствами дееспособность переводчика имеет общегражданский характер и определяется исходя из норм скорее конституционного, а не уголовно-процессуального права.

В соответствии с положениями п. 5 ст. 59 УПК РФ переводчик несет уголовную ответственность за заведомо ложный перевод и разглашение данных предварительного расследования в соответствии со ст. 307 и 310 УК РФ. Деликтоспособность переводчика в уголовном судопроизводстве, таким образом, определяется следующими обстоятельствами: так, с одной стороны, она имеет императивный и нормативно вмененный характер, связанный с его процессуальным статусом, а не с осуществленными им действиями; с другой же стороны, его юридическая ответственность и условия ее возникновения лежат вне плоскости действия уголовно-процессуального законодательства и регламентируется нормами уголовного закона.

Как считает О. Ю. Кузнецов, «деликтоспособность переводчика не ограничивается одной возможностью применения к нему мер уголовной репрессии вследствие нарушения им предписаний закона. Также к нему в соответствии с ч.

2 ст. 111 УПК РФ могут быть применены меры процессуального принуждения - обязательство о явке, привод и денежное взыскание, которые по своей правовой природе являются мерами административной ответственности» [6]. Такой подход, по нашему мнению, является юридически не верным. Так как ни ст. 112 УПК РФ, регламентирующая порядок применения обязательства о явке, ни ст. 113 УПК РФ, регламентирующая порядок осуществления привода, не содержат в перечне лиц, к которым эти меры применяются – переводчика. И только денежное взыскание как мера принуждения может быть применена к переводчику.

Список литературы

1. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К. Ф. Гуценко: 5-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, 2004. - 129–190 с.
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2004. - 160 с.
3. Уголовный процесс России: Учебник / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. - 821 с.
4. Постатейный научно-практический комментарий / Коллектив ученых-правоведов под руководством В. И. Радченко, В. П. Кашепова, А. С. Михлина. М.: Агентство (ЗАО) «Библиотечка «Российской газеты», 2002. - 115 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен XXI, 2002. - 169 с.
6. Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. М.: Издательство МПИ ФСБ России, 2006. - 256 с.
7. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М.: Проспект, 1996. – 184 с.

УДК 34.03

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СФЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Трапезникова Полина Владиславовна

магистрант

Научный руководитель: Беззатеев Сергей Валентинович,

д.т.н., доцент

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения», г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье изучены имеющиеся на сегодняшний день законы, регулирующие сферу беспилотного транспорта и искусственного интеллекта. Рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования процесса идентификации.*

The article examines the laws currently available regulating the sphere of unmanned transport and artificial intelligence. The actual problems of legal regulation of the identification process are considered.

***Ключевые слова:** идентификация, искусственный интеллект, законодательство, квазисубъектность, правоотношения*

***Keywords:** identification, artificial intelligence, legislation, quasi – object, legal relations*

Вследствие научного и технологического процесса, среди современных технических возможностей особое место занимают технологии, используемые при создании роботов и искусственного интеллекта. В настоящее время от мирового сообщества, юридической науки и практики требуют ответить на многие вопросы прикладного и теоретического характера. Стоит отметить, что законодательство Российской Федерации в данной сфере очень ограничено. Имеются

подзаконные акты, которые регулируют сферу беспилотного транспорта. Таким образом, правовое регулирование отношений в сфере использования искусственного интеллекта и автоматических устройств являются актуальным вопросом научных исследований.

Проблема идентификации систем искусственного интеллекта является результатом признания его квазисубъектом правоотношений. Дело в том, что искусственный интеллект нельзя отнести к объекту или субъекту информационных правоотношений, так как он представляет собой совокупность технологических решений, способных в результате функционирования имитировать когнитивные функции человека. В их число входит свойственное человеку самообучение и решение задач без заданного алгоритма, благодаря чему решения поставленных задач будут такими же, как результаты интеллектуальной деятельности человека.

Данная теория рассматривается по аналогии существования такого понятия как «юридическое лицо». Стоит отметить, что юридические лица, как субъекты права, участвуют фиктивно, так как обладают некоторыми признаками субъекта. На подобном основании искусственный интеллект также обладает такими признаками, например, имеет регистрацию и учётный номер, так же его можно привлечь к ответственности в виде доработки программы, принудительного отключения или полной утилизации.

Также, данная позиция освобождает от социальной или юридической ответственности разработчиков конкретного искусственного интеллекта. Отличительной чертой искусственного интеллекта от юридического лица является его материальность. Так как он может быть либо техническим решением, например, беспилотным транспортом, либо быть закреплённым на разного рода материальном носителе.

При этом важно отметить, что технологии искусственного интеллекта являются источниками повышенной опасности. Этот факт влияет на решение вопросов не только о привлечении к юридической ответственности, но и о возмещении нанесённого ущерба. Так, исследователи полагают, что использование

технологией на базе искусственного интеллекта могут быть совершены такие правонарушения, как неприкосновенность частной жизни, причинение вреда здоровью человеку или причинение смерти.

Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р [1] подтверждает концепцию квазисубъекта. В него входит норма, текст которой определяет искусственный интеллект как субъекта, способного управлять высокоавтоматизированным транспортным средством. В результате, в подобном транспорте находятся как минимум два субъекта – водитель и автоматизированная система вождения.

Указанное свидетельствует о необходимости законодательного закрепления в рассматриваемой сфере норм об идентификации. Среди поставленных задач важно выделить те, которые непосредственно связаны организацией и регламентацией процесса идентификации технологических решений на базе искусственного интеллекта, а также создание специальных реестров и определение искусственного интеллекта федеральным законодательством. После решения такого рода задач появится возможное решение вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта с момента начала использования его собственником.

На государстве и уполномоченных органах должна лежать обязанность по осуществлению проверки моделей, информационных систем и программного обеспечения, задействованных при создании искусственного интеллекта в целях общей и информационной безопасности. В свою очередь собственники зарегистрированной техники на базе искусственного интеллекта обязаны сообщить о начале её функционирования.

Данная идеология находит применение в развитии отношений, связанных с правовым регулированием применения беспилотных аппаратов. Регламентирование беспилотных летательных аппаратов (дронов) развивается интенсивнее, чем беспилотного транспорта. Связано это с тем, что использование дронов широко распространено и несут они меньшую общественную опасность. Что касается беспилотного транспорта, то данная сфера находится на стадии развития, совершенствования и тестирования, что даёт актуальное направление для

правового регулирования.

Так, после проведения анализа международной практики регулирования сферы беспилотных летательных аппаратов, важно отметить, что помимо обязательной регистрации средств, с целью дальнейшей идентификации как самого средства, так и его владельца, обязывают последних размещать идентифицирующие данные на самом беспилотном летательном аппарате. Цель данной практики заключается в публичной доступности сведений при совершении каких-либо правонарушений.

Исследуя вопросы, связанные с искусственным интеллектом, важно отметить распространение данной технологии в сфере биометрической идентификации граждан. Несмотря на популярность направления, в некоторых странах ведётся активная политика ограничения искусственного интеллекта, закреплённая в концепциях и нормативных правовых актах.

Проблематика данного вопроса заключается в использовании и обработке персональных данных и «больших данных», связанных с частной жизнью граждан. Исходя из этого, можно сказать о нарастании угрозы частной жизни лица, особенно при неконтролируемом распространении своих данных. Таким образом, технологии искусственного интеллекта несут в себе проблему нарушения безопасности и конфиденциальности данных, из-за способности проводить анализ, комбинацию и сбор данных с разных источников.

Стоит отметить, что скорость, с которой искусственный интеллект выполняет сбор информации, а также его масштабирование и автоматизация, выше, чем у человека. Помимо этого, данные характеристики можно увеличить, усовершенствовав технологию. Поэтому искусственный интеллект используется в тех сферах, где необходимо обрабатывать большие объёмы данных за как можно меньшее время.

Чаще всего рассматриваемая технология используется для поиска, наблюдения и отслеживания людей с помощью различных устройств, как общественных, так и личных. В результате персональные данные лиц становятся частью «больших данных», которые могут претерпевать изменения или заменяться

новыми, реальными и собранными с других устройств. Данный метод помогает идентифицировать пользователя, зарегистрированного с недостоверными данными и собрать базу данных с информацией других аккаунтов пользователя. Для осуществления данного процесса идентификации достаточно считать реальный IP-адрес пользователя, его номер телефона или размер экрана устройства, с которого осуществлён вход в информационное пространство. Искусственный интеллект сопоставит все собранные данные с теми, которые будут собраны при осуществлении онлайн-платежей или введении достоверных персональных данных при получении онлайн-заказа, что позволит идентифицировать пользователя не абстрактно, а реально.

Технологии искусственного интеллекта используются для биометрической идентификации по лицу. Актуальной сферой использования являются мобильные устройства и иные гаджеты. Государство также активно внедряет данную технологию для осуществления контроля общественной и национальной безопасности. В Москве в 2017 г. в тестовом режиме начала действовать система безопасности с идентификацией по лицу, а уже спустя два года эксперимент был признан успешным. Для проведения процесса распознавания лиц используется база МВД, считываемая городскими камерами видеонаблюдения. Искусственный интеллект в режиме реального времени отслеживает лица людей и сравнивает их с имеющимися в базах данными. Подобная концепция помогает и в информационно-коммуникационной сети Интернет, где также в режиме реального времени могут идентифицироваться пользователи с аномальной активностью. Целью данного анализа может быть выявление лидеров оппозиционного мнения или прогнозирование несанкционированных митингов.

Помимо использования технологий искусственного интеллекта в системах распознавания по лицу, активное развитие получила сфера распознавания и синтеза голоса. Несмотря на улучшение технологий натуральности звучания, по-прежнему имеются нерешённые проблемы. Так, синтезаторы, которые способны копировать тембр и интонацию голоса человека исходя лишь из минутной записи его речи, могут стать средством взлома биометрических систем

мошенниками, а также средством шпионажа или шантажа. Все эти проблемы являются актуальным направлением для дальнейшего исследования.

Помимо сбора информации, технологии искусственного интеллекта способны её систематизировать, классифицировать и оценивать. Данные функции технологии получили широкое распространение в Китае.

Актуальной на сегодняшний день сферой деструктивного применения искусственного интеллекта является автоматический подбор паролей и обход двухфакторной аутентификации, и произведённая авторизация будет основываться на ложной идентификации пользователя. Злоумышленники создают базы знаний для искусственного интеллекта из источников «даркнета» и осуществлять атаки на пользователей.

Подводя итог данного раздела, важно отметить, что в условиях технологического прогресса и цифровизации большей части сфер общественной жизни, а также распространении устройств и решений на базе технологий искусственного интеллекта всё чаще возникает вопрос о развитии правового регулирования данной сферы. Также важно отметить значимость установления требований по идентификации устройств и решений искусственного интеллекта до вступления во взаимодействие данной технологии с физическим лицом, затрагивающее его права, свободы и законные интересы. Определение юридической ответственности и то, кто будет её нести, также является актуальным вопросом для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р «О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» / Оф. сайт справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (платная версия).

УДК 347.1

**ПОНЯТИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ
ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ****Чучвал Ангелина Андреевна**

аспирант

Научный руководитель: Таранова Татьяна Сергеевна,

д.ю.н., профессор

УО «Белорусский государственный экономический университет»,
город Минск, Республика Беларусь

***Аннотация.** В статье проанализированы точки зрения относительно таких категорий, как «цифровые права» и «цифровые объекты». На основе этого выделены качественные характеристики цифровых объектов с точки зрения норм гражданского законодательства. Представлены авторские определения понятия «цифровые права» и «цифровые объекты».*

The article analyzes the points of view regarding such categories as "digital rights" and "digital objects". Based on this, the qualitative characteristics of digital objects are highlighted from the point of view of regulatory norms. Representations of the author's definitions of the concepts "digital rights" and "digital objects".

Ключевые слова: цифровые права, цифровые объекты, объекты гражданского права

Keywords: digital rights, digital objects, objects of civil rights

В настоящее время во всем мире происходит активный переход к цифровой экономике, сопровождающийся внедрением различных высокотехнологичных систем, что влечет за собой возникновение новых объектов, участвующих в гражданском обороте. Дальнейшее внедрение и использование инноваций, таких как искусственный интеллект, bigdata, смарт-контракты, нейронные сети и т.п.,

позволяет говорить о расширении перечня объектов, участвующих в гражданском обороте. Такие объекты получили название «цифровые объекты». Правовые особенности и признаки таких объектов пока не определены и недостаточно урегулированы действующими правовыми нормами.

По этой причине многие ученые и эксперты посвятили свои работы исследованию правовых вопросов цифровых объектов и прав как новых категорий в цивилистике. Так представляют интерес диссертационные исследования А. А. Карцхия, Е. Е. Кирсановой, К. А. Мефодьевой о цифровых объектах и цифровых правах. Также можно отметить исследования В. А. Лаптева, А. Гузнова, А. Бычкова, В. А. Лапача, Л. В. Санниковой, И. М. Конобеевской и ряда других исследователей, посвященных цифровым объектам. Однако, несмотря на наличие большого количества исследований о цифровых правах и объектах, существует законодательная и теоретическая неурегулированность данных вопросов, поэтому данная тема является актуальной и требует более детального рассмотрения.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует понятие цифровых прав и цифровых объектов. Тем не менее некоторые цифровые институты нашли свое закрепление в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (например, понятие и оборот токенов, смарт-контракты).

Следует отметить, что и на международном уровне категория «цифровые права» и «цифровые объекты» только формируется и вызывает многочисленные дискуссии. В Российской Федерации в 2019 г. был принят Федеральный закон № 34-ФЗ, который регламентировал цифровые права. В 2021 г. вступил в силу Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», который регламентировал правовой режим использования криптовалюты, цифровых финансовых активов и применение технологии распределенных реестров.

На международном уровне к цифровым правам в широком понимании принято относить право на доступ к сети «Интернет», это право можно назвать

фундаментальным в условиях нового времени, так как граждане не только общаются и ведут деловую переписку в Сети, но и пользуются электронными государственными сервисами, оплачивают коммунальные услуги, обучаются, занимаются бизнесом, получают сотни необходимых услуг без непосредственного посещения организаций и учреждений.

В. Д. Зорькин полагает, что цифровые права – это право на доступ, создание, публикацию цифровых произведений, а также право на использование электронных устройств и сети «Интернет».

Некоторые исследователи понимают под цифровыми правами универсальные права человека, которые реализуются в цифровом пространстве, – это право на свободу слова, получение достоверной информации, защиту личной информации и др.

Важно отметить, что большинство определений «цифровых прав» носит широкий абстрагированный теоретический характер, они не могут быть использованы в законодательстве.

Цифровые права значительно отличаются по своим характеристикам от других видов прав. Цифровые права возникают в киберфизическом пространстве в цифровой форме, представляют собой программный алгоритм, содержащий сведения о цифровом объекте [1]. Цифровые права идеальны по своей природе, но они могут быть выражены с помощью кодов, специальных символов, алгоритмов, которые, в свою очередь, могут переноситься на материальные носители в виде флешнакопителей, дисков, они могут храниться в облачных хранилищах. Цифровые права могут принадлежать гражданам и юридическим лицам, они отчуждаемы и имеют денежную оценку. Отличительным признаком цифровых прав, который позволяет их выделить в самостоятельный вид, являются условия и содержание их осуществления, которые определяются в соответствии с правилами высокотехнологичных систем. Оборот цифровых объектов в высокотехнологичных системах осуществляется без третьих лиц [2], то есть лицо, владеющее цифровым объектом, имеет все права собственника на данный объект при наличии доступа к сети «Интернет» и ключа в виде логина, пароля.

Для формирования понятия «цифровых прав», которое может быть использовано в законодательстве и которое связано непосредственно с цифровыми объектами, необходимо выделить основные характеристики таких объектов.

Цифровые объекты – это принципиально новые объекты, так как они существуют в нематериальной форме и не нуждаются в материализации для вовлечения их в гражданский оборот, в отличие от других объектов, которые могут существовать в традиционной и цифровой форме, например произведение, размещенное в сети «Интернет» и изданное на бумажном носителе [3, с. 38].

К числу цифровых объектов можно отнести криптовалюту, цифровые товары, платформы, домены и др., которые обладают определенной стоимостью и имеют нематериальную природу.

Е. А. Суханов отмечал, что смысл выделения объектов гражданского права заключается в возможности совершать с ними сделки, которые влекут гражданско-правовой результат [4, с. 342]. Выделение цифровых объектов права в отдельную самостоятельную категорию стало объективной потребностью участников общественных отношений, желающих отчуждать цифровые объекты, распоряжаться ими, при этом необходимо отметить, что оборот цифровых объектов происходит без посредников и третьих лиц. Данная особенность цифровых объектов способствует ограничению прав наследования по закону. В случаях, когда лицо владеет, например, криптовалютой и не составляет завещания с указанием конфиденциальной информации в виде паролей, логинов, кодов доступа, потенциальные наследники не получают цифровое наследство, так как третьи лица не владеют данной информацией и не могут ее предоставить, а наследники могут и не знать о полном составе наследства. Поэтому следует отметить еще одну особенность цифровых объектов – они наследуются только по завещанию, если наследодатель сообщил всю необходимую информацию для владения цифровыми объектами в своем последнем волеизъявлении [5, с. 250].

Цифровые объекты, с одной стороны, представляют собой программный алгоритм, цифровой код, с другой стороны, данный алгоритм позволяет идентифицировать определенные цифровые объекты, которые участвуют в

гражданском обороте, например криптовалюта в некоторых странах используется как платежное средство и как инвестиционный инструмент, токены – цифровые финансовые активы, бонусные баллы и др.

В. А. Лапач к основным признакам объектов гражданских прав относил также дискретность, системность, юридическую привязку. Дискретность позволяет обособить объект от других. Так, дискретность по отношению к цифровым объектам будет означать особые правила учета объекта, например запись в распределенном реестре [6, с. 56]. Признак системности объекта гражданских прав позволяет говорить о системе объектов. В отношении цифровых объектов эта система характеризуется киберфизическим пространством и нематериальным представлением объекта. Признак системности позволяет определить место объекта в системе, цифровые объекты могут занимать различное место в системе в зависимости от вида объекта. Наконец, выделяют роль объекта в системе, например криптовалюта играет роль денежной единицы [7]. Юридическая привязка характеризует законную связь субъекта с объектом гражданских прав, что позволяет реализовать право владения, распоряжения и отчуждения. Юридической привязкой при владении цифровым объектом может служить верификация, идентификация, аутентификации в информационной системе [8].

Главным отличительным признаком цифровых объектов является двоичная форма их представления: цифровой объект можно рассматривать как программный алгоритм, обладающий не только объектными, но и субъектными (продуцентными) свойствами, т. е. он может продуцировать иные цифровые объекты, выполнять транзакции в цифровой среде, действия с помощью высокотехнологичных систем [9]. Стоимость зависит от многих факторов, на примере криптовалюты можно отметить значительную волатильность стоимости, поэтому определить ее сложно. Можно строить различные прогнозы, но реальная цена данного цифрового актива будет определена в конкретный период [10].

Таким образом, к основным качественным характеристикам данных объектов можно отнести следующее:

– цифровые объекты не материальны, в некоторых случаях их невозможно

материализовать и в этом нет необходимости;

– цифровые объекты создаются с помощью современных высокотехнологичных систем;

– совершать сделки с цифровыми объектами можно только в киберфизическом пространстве;

– право наследования на некоторые цифровые объекты ограничено наследованием по завещанию в силу особенностей владения данными объектами;

– распорядиться цифровыми объектами можно без участия третьих лиц и посредников;

– сделка с цифровыми активами конфиденциальна [5, с. 251].

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) цифровые права были легализованы как обязательственные и иные права. В соответствии с п. 1 ст. 128 ГК РФ – как объекты гражданских прав. То есть в российском законодательстве сделаны первые шаги по регламентации цифровых прав в гражданско-правовых отношениях.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) Цифровые права – это цифровой алгоритм, закрепляющий полномочия физических и юридических лиц на владение, пользование и отчуждений цифровых объектов гражданских прав в высокотехнологичных системах, при условии, что технические средства обеспечивают владельцу возможность реализовать свои полномочия.

2) Цифровые объекты – это самостоятельная правовая категория, представляющая собой код, который дает владельцу цифрового объекта право осуществлять с ним любые действия – владеть, распоряжаться, отчуждать, совершать сделки и иные действия, не запрещенные законом.

Оценивая перспективы отражения в гражданском законодательстве Республики Беларусь необходимо отметить, что на данный момент отсутствуют серьезные научные исследования по данной теме, единства мнений о правовой природе таких прав. Практика применения норм Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»

также пока представляется недостаточной.

Список литературы

1. Нестеров А. В. Соотношение правовых категорий приватности, секретности (тайны) и конфиденциальности / А. В. Нестеров / Юридический мир. – 2019. – № 7. – С. 37–41.
2. Гонгало Б. М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселова / Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 188–197.
3. Санникова Л. В. Цифровые активы: правовой анализ: моногр. / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. – М.: 4 Принт, 2020. – 145 с.
4. Суханов Е. А. Гражданское право: в 4 т. / Е. А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – Т. 1: Общая часть. – 720 с.
5. Кириллова Е. А. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфагарзаде, С. Е. Метелёв / Правоприменение. – 2022. – № 1. – С. 245–256.
6. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 542 с.
7. Шумаков С. Р. Обзор Круглого стола «Криптовалюты, токены и иные «виртуальные объекты»: правовая природа и перспективы урегулирования» / С. Р. Шумаков / Право и бизнес. – 2018. – № 1. – С. 40–41.
8. Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Мефодьева. – М., 2019. – 228 с.
9. Санникова Л. В. Правовая сущность новых цифровых активов / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова / Закон. – 2018. – № 9. – С. 86–95.
10. Сусллова С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С. И. Сусллова, У. Б. Филатова / Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2. – С. 8–15.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371

РАЗВИТИЕ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Мархиева Танзила Беслановна

студентка

Научный руководитель: Тамасханова Хава Хаматхановна,

ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»,

г. Магас, Республика Ингушетия

***Аннотация.** Мы всегда видим внешние изменения, которые происходят с растущими детьми, начиная от рождения. Но внутри происходят колоссально важные процессы, о которых мы и не догадываемся.*

***Abstract.** We always see external changes that occur with growing children, starting from birth. But there are colossally important processes going on inside that we don't even know about.*

***Ключевые слова:** мозг, стимулы, активность*

***Keywords:** brain, stimuli, activity*

Развитие мозга и его функций - процесс, генетически детерминированный и иерархически структурированный. Различные блоки развития (среди которых речь, моторика, социализация) подвержены влиянию условий окружающей среды, в которой растет ребенок. Таким образом, в процессе эволюции человеческое развитие становится свободным от исключительно генетически детерминированного контроля.

Внутриутробно, начиная с фазы образования нейрональной сети, процесс развития нейрона регулируется средовыми факторами. Среда, окружающая плод, для него не нейтральна - ребенок начинает воспринимать стимулы в различных модальностях достаточно рано.

Отмечают следующие «вехи» в нейросенсорном развитии плода, регистрируя появление реакций:

- на прикосновение - 7,5-18 недель;
- на запах, вкус - 12-14 недель;
- на звук - 18–36 недель;
- на проприорецепцию - 20–25 недель;
- на свет - 38–40 недель.

В постнатальном онтогенезе высшая психическая деятельность, согласно концепции А. Р. Лурии [1973], обеспечивается благодаря трем основным функциональным блокам, которые обозначены как:

- 1) блок регуляции тонуса и бодрствования;
- 2) блок приема, переработки и хранения информации;
- 3) блок программирования, регуляции и контроля сложных форм деятельности.

А. Р. Лурия считал, что каждый из этих блоков имеет иерархическое строение, развивается постепенно в индивидуальном онтогенезе и состоит из надстроенных друг над другом корковых зон по крайней мере трех типов: первичных (или проекционных), куда поступают импульсы с периферии и откуда направляются импульсы на периферию, вторичных (или проекционно-ассоциативных), где происходит переработка получаемой информации и подготовка соответствующих программ, и, наконец, третичных (или «зон перекрытия»), которые являются наиболее поздно развивающимися аппаратами больших полушарий и которые у человека обеспечивают наиболее сложные формы психической деятельности, требующие совместного участия многих зон мозговой коры.

В настоящее время ставится под вопрос наличие жесткой иерархии функциональных уровней, обеспечивающих организацию и протекание психической деятельности. Взаимоотношения между корковыми полями представляются более сложными. Интегративная деятельность мозга, отражением которой являются, в частности, электроэнцефалографические кривые, получаемые при электроэнцефалографической записи (ЭЭГ), осуществляется при системном

взаимодействии различных областей коры, состояние покоя обеспечивается определенной степенью их активного взаимодействия, проявляющегося у взрослого наличием доминирующего альфа-ритма. Процесс созревания корковой ритмики отражает возрастную динамику становления мозговых функций. У новорожденного ребенка система вертикальных и горизонтальных связей выражена слабо. В первые годы жизни больше представлена система вертикальных связей, обеспечиваемая вертикальными колонками пирамидных нейронов и «гнездного типа» группами клеток.

С рождения ребенка функционируют специфические и неспецифические системы таламуса. Менее зрелой является активирующая система мозга, ее функционирование у новорожденного связывают с ориентировочной реакцией, ретикулярной формацией. Появление альфа-ритма в постнатальном онтогенезе связано с формированием аппарата интернейронов, создающих условия для периодичности активационных процессов и реверберации возбуждения по внутрикорковым и корково-корковым цепям.

Попытки проследить особенности зрительного восприятия в онтогенезе с помощью электрофизиологических методов, основанных на дифференцированном анализе пространственно-частотной организации ритмической биоэлектрической активности и вызванных потенциалов (ВП) различных областей коры головного мозга, предприняты Д. А. Фарбер.

Новорожденных отличают строго локализованные зрительные потенциалы, регистрируемые в затылочной области, что по времени соответствует появлению альфа-фокуса, еще не распространяющегося на другие области коры. Зрительные функции обеспечиваются только проекционной зоной.

По образному выражению И. М. Сеченова, новорожденный «видит, но видеть не умеет». Происходит это потому, что у него отсутствует активный поиск информации. В течение первых лет жизни отмечается широкое вовлечение коры больших полушарий в анализ зрительной информации. В 3-4 года зрительные ВП регистрируются одновременно в различных областях коры, причем в затылочной и заднеассоциативной областях они сходны.

Уже на первом году появляются ВП на зрительные стимулы в переднецентральных отделах, что является отражением связи сенсорного звена с двигательным. В возрасте 6–7 лет ВП в проекционных зонах и вне их уже четко различаются. С 9–10 лет усиливается межцентральная интеграция между проекционными и заднеассоциативными отделами коры (влияние третичных корковых полей - темпоро-париетально-окципитальной области на зрительный отдел). Дальнейшее развитие связывают с вовлечением переднеассоциативных отделов коры, формированием локальных генераторов альфа-активности.

Онтогенез функции внимания - одно из направлений нейрофизиологии, изучающих становление психических функций. С помощью спектрально-корреляционного метода анализа ЭЭГ в работах Р. И. Магинской и Н. В. Дубровинской [1994] оценивалась полушарная организация ЭЭГ в предстимульном периоде направленного внимания у взрослых и детей. В тех случаях, когда адресатом было левое полушарие у взрослых испытуемых, в его активности выделялись специфические по отношению к модальности топографические перестройки (наибольшее число случаев достоверного повышения когерентности в диапазоне альфа-ритма выявлено в парах отведений с участием той области коры, которая соответствует по своему функциональному назначению модальности ожидаемого сигнала).

Для тактильной задачи это центральные области коры полушарий большого мозга, для слуховой - передневисочная область, для зрительной - задние отделы коры. При этом рост степени синхронизации альфа-колебаний наблюдался преимущественно между соответствующими проекционными и переднеассоциативными областями коры. В правом полушарии картина иная. Прежде всего, отсутствовала модальная специфичность изменений, отмечался их генерализованный характер и сходство в функциональной организации гемисферы при ожидании стимулов различных модальностей.

Таким образом, межполушарное взаимодействие, выступающее в качестве фактора успешной деятельности у взрослого, находится в периоде становления у ребенка. В перцептивной деятельности ребенка отмечается, с одной стороны,

усиленная регионарная специфичность, проявляющаяся в ответах как на релевантный, так и на нерелевантный стимул, с другой стороны, избыточная генерализованная активность. В целом можно отметить, что во время ранних церебральных повреждений головного мозга у детей, составляющих большинство в структуре церебральной патологии, активно продолжают процессы морфологического созревания и функциональных перестроек.

Список литературы

1. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека. - СПб.: Питер, 2020. – 768 с.
2. Монтессори-педагогика и Монтессори-терапия. - СПб.: Речь, 2010. – 316 с.

УДК 371

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ ЗПР

Спиридонова Дарья Петровна

учитель-логопед

МАДОУ «ЦРР- детский сад № 35»

***Аннотация.** В статье проведен анализ таких понятий, как «общение», «коммуникация», «коммуникативная деятельность», «коммуникативные процессы», рассмотрены основные компоненты коммуникативной деятельности, взаимосвязь между этими понятиями. Описываются особенности протекания общения старших дошкольников с ЗПР в сравнении с нормально развивающимися детьми в ситуации игры.*

Проблема формирования коммуникативной деятельности детей с ЗПР является одной из актуальных проблем специальной педагогики и психологии. Данная проблема тесным образом связана с проблемой школьной неуспеваемости. Рассматриваемый контингент детей составляет пятьдесят процентов в группе неуспевающих школьников в начальных классах. Колесникова Г. И. указывает, что сниженные показатели успеваемости и стали причиной, по которой данная многочисленная группа начала исследоваться в шестидесятые годы двадцатого века [1].

Особенности общения детей с ЗПР рассматривали такие отечественные психологи, как Артемьева Т.П., Васильева Е. Н., Дмитриева Е. Е., Защирина О. В., Карпова Г. А, Триггер Р. Д, и др. Дети с ЗПР – это дети с минимальными органическими повреждениями или функциональной недостаточностью центральной нервной системы, а также длительно находящиеся в условиях

социальной депривации.

Это дети, у которых нарушен нормальный темп психического развития, проявляющийся в замедленном темпе созревания эмоционально-волевой сферы, в интеллектуальной недостаточности (умственные способности не соответствуют его возрасту) [2]. Нарушения эмоционально-волевой сферы (агрессия, бегство, отрицание трудностей и неадекватная оценка реальной ситуации) затрудняют процесс общения. Положение о решающей роли общения в психическом развитии ребенка было выдвинуто и разрабатывалось Выготским Л. С., который неоднократно подчеркивал, что «психологическая природа человека представляет собой совокупность человеческих отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры» [3]. Именно развитие общения является необходимым условием успешности учебной деятельности, важнейшим направлением социально-личностного развития. Поэтому обучение детей с ЗПР дошкольного возраста умению эффективно общаться является главной задачей психокоррекционной работы, что обуславливает значимость данной проблемы.

На современном этапе в психологии нет общепринятого определения общения. Как правило, дается лишь описательное обозначение, которое указывает на стороны и основные функции общения.

Основы психологии общения нашли свое отражение в работах Лисиной М. И., Ильина Е. П., Леонтьева А. А., Выготского Л. С., и др.

С точки зрения отечественных ученых понятие «общение» рассматривается с трех сторон: общение как коммуникация, как деятельность, как специфическая форма взаимодействия субъектов. Под общением Ильин Е. П. понимает специфический вид коммуникации, связанный с психическим контактом между реальными субъектами и приводящий к их взаимовлиянию, взаимопереживаниям и взаимопониманию [4]. Своеобразную трактовку общения рассматривает Леонтьев А. А.: «Общение - особый вид деятельности и выступающий как компонент, составная часть (и одновременно условие) другой, некоммуникативной деятельности» [5].

Лисина М. И. определяет общение как взаимодействие двух (или более) людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата [6].

В отечественной литературе термины «общение» и «коммуникация» нередко употребляются как синонимы, хотя при более внимательном подходе между ними обнаруживается определенная разница. В англоязычной лингвистической литературе (Шрамм В., Винер Н, Лассуэлл Г, Вайсе В., Беттингхауз Э.) понятие «коммуникация» понимается как обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов, что само по себе является синонимом термина «общение». В самом деле, слово «общение» обозначает процесс обмена мыслями, информацией и эмоциональными переживаниями между ними. В психологической и социологической литературе общение и коммуникация рассматриваются как пересекающиеся, но не синонимические понятия. Здесь термин «коммуникация» используется для обозначения средств связи любых объектов материального и духовного мира, процесса передачи информации от человека к человеку, а также, передачи и обмена информацией в обществе. С целью воздействия на социальные процессы. Общение же рассматривается как межличностное взаимодействие людей при обмене информацией познавательного или аффективно-оценочного характера.

Таким образом, исследователи делают вывод о том, что термины «общение» и «коммуникация» имеют как общие, так и отличительные признаки.

Коммуникативная деятельность представляет собой сложную многофункциональную систему взаимодействия людей. Так, Андреева Г. М. основными процессами коммуникативной деятельности считает коммуникативный (обеспечивающий обмен информацией), интерактивный (регулирующий взаимодействие партнеров в общении) и перцептивный (организующий взаимовосприятие, самооценку и рефлексии в общении).

Отечественные психологи (Выготский Л.С., Запорожец А. В., Леонтьев А. Н., Лисина М. И., Эльконин Д. Б. и др.) считают, что коммуникативная деятельность является одним из основных условий развития ребенка, главного

фактора формирования его личности, наконец, ведущего вида человеческой деятельности, направленного на познание и оценку самого себя через посредство других людей.

Общение и коммуникативную деятельность, с точки зрения Лисиной М. И., можно считать, как тождественные понятия. Другими словами, коммуникативная деятельность является двусторонним процессом, который приводит к тому, что познающий человек и сам становится объектом познания и отношения другого или других участников общения.

Данный вид деятельности имеет свои структурные специфические компоненты: предмет, потребность, мотивы, действие, задачи, средства, продукты.

Разберем подробнее составные части коммуникативной деятельности.

Предмет общения — это другой человек, партнер по общению как субъект.

Потребность в общении состоит в стремлении человека к познанию и оценке других людей, а через них и с их помощью — к самопознанию и самооценке. Люди узнают о себе и об окружающих благодаря разнообразным видам деятельности, так как человек проявляется в каждой из них. Но общение играет в этом отношении особую роль, потому что направлено на другого человека как на свой предмет и, будучи двусторонним процессом (взаимодействием), приводит к тому, что познающий и сам становится объектом познания и отношения другого или других участников общения.

Коммуникативные мотивы — это то, ради чего предпринимается общение.

Действие общения — это единица коммуникативной деятельности, целостный акт, адресованный другому человеку и направленный на него как на свой объект.

Задачи общения — это та цель, на достижение которой в данных конкретных условиях направлены разнообразные действия, совершаемые в процессе общения.

Средства общения — это те операции, с помощью которых осуществляются действия общения.

Продукты общения — образования материального духовного характера,

создающиеся в итоге общения.

Функции и значение общения (Лисина М. И.):

1. Организация совместной деятельности людей (согласование и объединение усилий для достижения общего результата).

2. Формирование и развитие межличностных отношений (взаимодействие... с целью налаживания отношений).

3. Познание людьми друг друга.

В ходе теоретического анализа исследования различных ученых (Дмитриева Е. Е., Ульenkova У. В., Слепович Е. С., Годовикова Д. Б. и др.) можно отметить отличительные особенности общения детей с ЗПР и нормативно развивающихся дошкольников в ситуации игры.

Общение с ровесниками дошкольников с задержкой психического развития в игре отличается от общения нормативно развивающихся детей. Результат исследования Купряковой Н. Ю. показал довольно низкий уровень благополучия межличностных отношений в группе детей с ЗПР в сравнении с группой массового детского сада.

В группах детей с ЗПР в сравнении с группой массового детского сада было очень мало перекрестных выборов между девочками и мальчиками. Дети с ЗПР в основном предпочитали сверстников своего пола. Сравнительный анализ критериев выбора партнера для общения нормально развивающихся детей и детей с ЗПР показал, что между ними существуют различия: среди детей с ЗПР в основном были дети, выделяющие положительные качества сверстников: «хороший, дает игрушки, не дерется, добрый». Также были дети, отнесенные к группе без осознанного мотива выбора: «просто нравится»; среди нормально развивающихся дошкольников наибольшее число детей ставили на первое место интерес к совместной деятельности — игре. Некоторые дети выделили дружеские отношения.

По собственной инициативе дети с задержкой психического развития не включаются в игру со сверстниками (Слепович Е. С.). Некоторые из них наблюдают за предметно-игровыми действиями, рисованием, работой с конструктором

других детей. Организатором игры этих дошкольников во всех случаях является взрослый. В этой ситуации полноценного взаимодействия старших дошкольников не обнаруживается. Экспериментальные данные Слепович Е. С. отмечают особенности протекания общения у старших дошкольников с ЗПР в игре «Больница»: игру детей едва ли можно отнести к совместной деятельности. В первой ситуации один ребенок полностью подчинил себе деятельность партнера, для того чтобы реализовать свою ролевую программу. Он сам моделирует действия другого ребенка, поступая с ним как с живой куклой. При этом конфликт между детьми не возникает, может быть, из-за того, что игра прекращается очень быстро. Во втором примере у дошкольников с задержкой психического развития прослеживаются элементарные меж ролевые отношения. Однако это ролевое взаимодействие занимает чрезвычайно мало времени.

Переход к играм, основным содержанием которых являются отношения между людьми, крайне затруднен. Дети испытывают трудности в построении ролевого поведения, требующего определенного уровня социальной и коммуникативной компетентности (Гаврилушкина О. П.; Слепович Е. С.). Мир отношений моделируется детьми поверхностно, примитивно, зачастую просто неадекватно.

Через общение с детьми ребенок приобретает все свои высшие познавательные способности и качества. Общение и складывающиеся в его ходе межличностные отношения играют центральную роль в становлении личности ребенка и его социализации.

Коммуникативная деятельность детей с ЗПР имеет свои особенности:

- нехватка знаний и умений в сфере межличностных отношений;
- несформированность необходимых представлений об индивидуальных особенностях людей;
- страдание произвольной регуляции эмоциональной сферы;
- запаздывание формирования социальных отношений;
- не владение адекватными способами сотрудничества;
- несформированность навыков кооперации;
- пониженная речевая активность;

- бедность речевого общения;
- несформированность контекстной речи и др.

Таким образом, дети с ЗПР нуждаются в благоприятных для коммуникативного развития педагогических условий и коррекционно-педагогического воздействия.

Список литературы

1. Колесникова, Г. И. Специальная психология и педагогика [Текст]: учеб. пособие / Г. И. Колесникова [и др.] – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. - С. 66. – (Высшее образование).
2. Новоторцева, Н. В. Коррекционная педагогика и специальная психология [Текст]: учеб. пособие / Н. В. Новоторцева. — 4-е изд., перераб. и доп. — СПб.: КАРО, 1999. — С. 40.
3. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики [Текст] / Под ред. А. М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – С. 146., ил. – (Акад. пед. наук СССР).
4. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений [Текст]: книга / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2013. – С. 29.: ил. - (Серия «Мастера психологии»).
5. Леонтьев, А. А. Психология общения [Текст]: учеб. пособие / А. А. Леонтьев. – 2 –е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 2005. – С. 27. – (Сер. «Психология для студента», вып. 4).
6. Лисина, М. И, Общение, личность и психика ребенка [Текст]: учебник / Под ред. Рузской, А. Г. - М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997., 2003. – С. 203.
7. Вольская, О. В. Характеристика вербального общения дошкольников с задержкой психического развития [Электронный ресурс]: статья в журнале - научная статья / О. В. Вольская. - Электрон. текстовые дан. – Архангельск.: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2011. - № 5. – С. 118–122. - Доступ с сайта электронно-библиотечной система eLibrary.ru – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17422076>. - Загл. с экрана.

**«СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ»**

VII Международная научно-практическая конференция

Научное издание

Издательство ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»)
353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,
ул. Весенняя, 8, оф. 1
Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 09.09.2022 г. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,5
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times New Roman
Тираж 50 экз. Заказ 278.